"Как вам это? Это было наградой от изобилия духов мертвых".

Гиш, гордый как павлин, показал его Медаль Души Белых волос своим одноклассникам.

"Ах", - вздыхали одноклассники.

"Могло случиться так, что это не Белые волосы, но Щетины?" - прокомментировал кто-то. Гиш покраснел.

"Ахайте! Не говорите так! Это - награда Белых волос!"

Гиш бросал взгляд на укромный уголок классной комнаты. Монморанси была там. Хотя все его одноклассники собрались вокруг Гиша, Монморанси, с другой стороны, положила свои локти на стол и смотрела в окно, выглядя незаинтересованной. Эй, посмотри сюда, я хочу, чтобы ты услышала историю... Гиш почувствовал себя на мгновение задетым.

"Замечательно... Гиш, ты командовал компанией, которая первой напала на город Южная Гота?"

"Не упоминайте это", - Гиш гордо кивал. Все похвалили своего одноклассника, у которого были большие военные достижения.

"Неважно, Гиш. Честно, до настоящего времени мы думали, что ты был только громко высказывающимся мошенником, но теперь мы можем признавать нашу ошибку без остановки!"

"Здорово! Гиш! Ты удивителен!"

Гиш откинулся назад, слушая. Затем он скрестил ноги, и поднял палец, все еще выглядя столь же гордым как павлин.

"Теперь, я расскажу Вам историю о храброй борьбе армии против орков".

Аааах, прошел вздох.

Гиш посмотрел на Монморанси снова. И мучительно вздохнул. Причина состояла в том, что Монморанси все еще смотрела в сторону..., почему она так себя ведет... Гиш стал более печальным. Тогда он заговорил громче, чем необходимо.

"Когда стена сломалась, орки прибывали один за другим! Тогда, я спокойно скомандовал своими подчиненными из оружейного корпуса. Первый взвод! Готовьтесь! Цельтесь! Огонь!"

Говоря: "Огонь", Гиш поднял и опустил свою палочку.

"Однако, враг не дрогнул! Волшебство было необходимо! Я поднялся и начал колдовать - Земная Рука!"

Он произнес заклинание, где рука появляется из земли и захватывает ноги.

Однако, в классной комнате не было никакой почвы. Ничего не произошло. Странная тишина затягивалась.

"Ка-бум! Появилась валькирия!"

Гиш взмахнул стеблем, пытающимся покрыть себя лепестками снова. Лепестки искусственной розы разлетелись вокруг... и превратились в семь валькирий.

"К наступающим оркам выскочили мои храбрые големы!"

Валькирии начали танцевать, подражая борьбе.

Кто-то применил заклинание ветров к големам Гиша.

Валькирии были повержены и упали на пол.

"Кто?!"

С саркастической улыбкой на губах Де Лоррэйн посмотрел на Гиша. До невероятных результатов Табиты, он считался самым сильным в поединках среди мальчиков.

"Если твои големы были повержены волшебством Ветра, как они были в состоянии противостоять ударам орков?"

"Ух..."

Гиш покрылся холодным потом. Чувствуя себя в ловушке, он продолжил историю без раздумий.

"Хорошо... приманка! Мои големы были приманкой, используемой, чтобы отвлечь нападающих врагов!"

"Эй-эй, я услышал некоторое время назад, что все это было сделано мушкетерами. Твое

волшебство потерпело неудачу? Те не так велик, Гиш!"

"Подчиненные солдаты находились под контролем командующего!"

"Но разве ты только что не сказал, что все это была твоя магия? Пожалуйста, примите мое искреннее восхищение твоей компанией, как только ты встретил их. Однако, ты были действительно хорошим лидером? Возможно, ты переложил большинство вещей на плечи заместителя командующего?"

От тяжелого взгляда Гиш окаменел. Это показало противоречие в истории Гиша. Ну, он должен был продолжить говорить, чтобы выиграть немного времени... Тем временем, Монморанси встала и покинула классную комнату.

Гиш в панике побежал за ней.

"Монморанси!"

Гиш кричал в коридоре, выложенном из камня. Все же, Монморанси не обернулась, она только пошла быстрее. Чувствуя гнев, исходящий от ее плеч, Гиш догнал её.

"Ой, ой, пожалуйста, подожди! Действительно ли ты рассердилась из-за того, что я сказал? Любимая! Выслушай меня, перестань игнорировать меня!"

Гиш положил руку на плечо Монморанси и остановил её.

"Здесь, посмотри на это. Медаль! Будь счастлива! Ты - подруга кого-то, достойного награды! Как я сказал, здесь, ты..."

"Это не меняет моего мнения о тебе", - произнесла Монморанси, обернувшись.

"П-Почему?"

"Награда - все, о чем ты заботишься? Ты оставил меня, ничего не сказав, это - проблема!"

Не ожидая такого обвинения, Гиш вздрогнул. Испорченный похвалами, он не мог предположить, что он может быть обвинен за этот выбор.

"Р-разве ты не знаешь?! Как Королевский армейский доброволец, я не мог писать тебе письма!"

Монморанси посмотрела на Гиша холодными глазами. Чувствуя, что этот гнев отличается от обычного, Гиш затих.

"Даже если это было так! Это не означало, что ты не мог связаться со мной! Есть некоторые вещи, которые важнее награды!"

Он задумался на некоторое время.

"Например?"

Поскольку Гиш спросил серьезно, щеки Монморанси покраснели.

"Ай! Ты поражаешь меня!"

"Меня. Ме-ня".

"Д-Да".

"Разве ты не мой рыцарь? Разве ты не сказал мне, что, если бы была бы война, ты остался бы рядом, защищая меня? Помнишь?"

"Д-Да".

Гиш стоял прямо и кивал.

"С тех пор, как ты уехал с мальчиками, ужасные вещи произошли в Академии! Тем временем, ты сходил с ума, нападая на врагов за медали!"

Это правда... Гиш кивал. После возвращения он узнал обо всём.

"Поскольку вас не было здесь, учитель спас нас, заплатив своей жизнью. Если бы только я была более квалифицирована в водном волшебстве..."

Монморанси закрыла глаза, вспоминая то время. Она начала лечить Кольбера, который был ранен волшебными стрелами, но даже при том, что использовалось водное волшебство... она достигла предела своей силы воли и упала в обморок.

Гиш спокойно опустил голову.

"Я, я буду учиться больше. Как член дома Монморанси, который в течение нескольких поколений вел переговоры с Духом воды... я попрошу помощь обучаться больше. Если бы я была лучше в исцелении водой... я, возможно, помогла бы учителю".

Так как у Кольбера не было никаких родственников, Кирхе забрала его тело. С тех пор, как Кирхе уехала из дома и до настоящего времени, она не возвращалась. Было неясно, если она собиралась похоронить подобного мага Огня на земле Германии. Крошечная девочка с короткими синими волосами также исчезла.

"Кроме того, даже тот ребенок потерял важного для неё человека. Так будь немного более внимательным. Это - действительно время для радости? Даже ты не должен быть настолько счастливым".

Гиш вспомнил.

Был слух, что фамилиар Луизы, Сайто, боролся один против армии Альбиона и позволил им отступить от Розайша.

Потрясенная, Луиза встречалась много раз с генералами, но даже при том, что она наделала много шума, отступающий флот не стал возвращаться за фамилиаром.

Кроме того, командующие на военном корабле только смеялись над тем слухом. Они думали, что одному человеку невозможно остановить армию. Никто не может остановить 70 тысяч солдат в одиночку.

Что касается задержки армии Альбиона, должна была быть другая причина. За это возложили ответственность на их плохое армейское управление. Они также думали, что этот мальчик-фамилиар просто убежал.

Все вокруг Луизы продолжали говорить это.

И даже если предположить, что он противостоял 70-тысячной армии – в любом случае, он не мог быть жив. К сожалению, она должна забыть...

Однако, Луиза не была довольна таким мнением и продолжала отрицать это. Как только флот вернулся, новости об армии Альбиона, сдающейся Галлии, подняли беспорядок до максимума. Они прекратили волноваться о слухах, о мальчике, который остановил армию Альбиона, думая, что это болтовня сумасшедшего. В конце концов, помимо Сайто, было много людей, пропавших или убитых.

В результате, после возвращения в Академии Волшебства Луиза была сильно подавлена и не говорила ни с кем. Как будто она была где-то в другом месте, она закрылась у себя в комнате, в спальне, и не выходила.

Судьба Сайто была также частью слухов в Академии. Во всяком случае, прямо сейчас Сайто был известен в академии двумя вещами: тем, что он "легендарный фамилиар" и тем, что он "должен быть награжден за все".

Монморанси, которая также слышала эти слухи, волновалась за Луизу, которая закрылась в комнате и не выходила.

"По крайней мере, я хочу успокоиться. Пока я нанесу ей сочувствующий визит".

"Теперь ты говоришь. Монморанси, ты очень добрая".

"На самом деле, я не добрая. Ты знаешь, до сих пор, хотя мы находимся в состоянии войны... Даже при том, что это была война, я никогда действительно не боролась во время войны до настоящего момента..."

"Да".

"Я похожу на воду во многих вещах. Я буду бороться своим путем... Мне только жаль, что я не была более сильной".

Через окно Монморанси посмотрела на небо и пробормотала.

"Я не могу позволить этой печали существовать. Я не могу лечить, если я чувствую жалость в себе".

И таким образом, война между Святой республикой Альбиона и союзом Тристейн-Германия закончилась звонящими колоколами Фестиваля Появления.

Из-за жертвы Сайто, все Союзные войска ушли благополучно, в то время как флот Галлии оставил союз и вступила в войну, повергнув штаб командования в Розайше с Кромвелем, и заставив армию Альбиона, которая была размещена там, сдаться.

С подавляющим различием в числе и с повергнутым Императором, армия Альбиона потеряла желание сопротивляться. Кроме того, восставшие из Союзных войск пришли в себя, как будто просыпаясь от долгого сна, и снова были против армии Альбиона. Из-за всего этого беспорядка армия Альбиона сдалась без борьбы.

Армия Галлии обосновалась в Розайше, останавливая войну на время, чтобы привести все в порядок... Таким образом, война, которая продолжалась в течение восьми месяцев, была закончена активным вмешательством королевства Галлии.

С момента падения Святой республики Альбиона прошло две недели...

На третьей неделе Нового года, в месяц Яры - неделя Еоло - были официально расформированы Союзные войска и временный офицерский состав из Академии Волшебства, и студенты вернулись в школу один за другим.

Те, у кого были военные достижения и те, у кого их не было, вернулись с гордостью. Они боролись в жестоких сражениях, и выполнили свой долг, даже если не было никаких невероятных военных результатов.

Поскольку студенты Академии Волшебства, за небольшим исключением, использовались в качестве тыла армии, не было почти никаких жертв и также никаких военных достижений. Из-за этого, те студенты, которые были в военном отношении успешны, были на голову выше остальных, и их популярность возросла.

Таким образом, Гиш также хвастался своими военными достижениями...

Вечером...

Идя из комнаты Монморанси, Гиш шагал, чувствуя небольшую грусть. Не много людей ходили сюда, во внутренний двор Вестри.

Когда я думаю об этом... Это здесь, Сайто и я встретились и дрались на дуэли, думал он. Тогда, Сайто продолжал вставать, независимо от того, сколько повреждений он получил.

Следующей вещью, которая попалась на глаза, была ванна, сделанная Сайто, и палатка рядом с башней артиллерии. Когда Луиза выгоняла его, он устанавливал палатку и продолжал жить и спать там некоторое время. Гиш также вспоминал, как он и Сайто пили всю ночь в ней.

Это - Сайто, который остался в его памяти...

Так или иначе, его глаза стали влажными. Гишу было грустно. Поскольку ему было грустно, что он сделал так много шума недавно в классной комнате.

Сайто. Кроме Луизы, никто не верил... что он боролся против 70-тысячной армии Альбиона и остановил ее. Но для человека, который встал, даже будучи пораженным моей Валькирией... это, может быть, не настолько невозможно, в конце концов.

По щекам Гиша потекли слезы.

"Хотя только простолюдин, ты был моим другом".

Вытирая свои слезы, он заметил кого-то, двигающегося в палатке.

"Сайто?.."

Однако, тем, кто вышел, был...

"Верданди!"

Это был огромный крот, фамилиар Гиша.

"Где ты был?.."

Гиш присел и начал похлопывать своего любимого фамилиара.

"В конце концов, ты также скучаешь по нему?"

Огромный крот прижал свой нос к Гишу. Так или иначе, его круглые глаза выглядели печальными.

"Я вижу, ты грустил..."

Гиш обнимал Верданди еще некоторое время... Затем, он медленно встал.

"Сайто, я думаю, что ты - герой. Поэтому есть что-то, что я должен сделать. Верданди! Сделай большую груду почвы!"

Верданди кивнул и начал выкапывать землю с ощутимой силой. Перед Гишем повысилась гора почвы.

"Я – маг Земли. Поэтому я выражу тебе восхищение этой почвой. Я сделаю огромную статую, так, чтобы тебя помнили".

Гиш произнес заклинание на груду почвы. Тогда почва превратилась в глину. Протянув обе руки, Гиш начал делать статую.

"Сайто был великим парнем. Таким образом, он заслуживает большой статуи, по крайней мере, пять метров высотой. Поскольку ты не мог использовать волшебство... я также сделаю эту статую голыми руками. Это - уважение к Сайто. Способ выражения уважения дворянина. Будь счастлив!"

Хотя Гиш и Монморанси скорбели в глубине души... той, кто носил траур, была Луиза.

В своей комнате Луиза сидела на кровати, обнимая колени. Одетая в обычное школьное

одеяние, она носила странно выглядящую шляпу на голове.

Это был свитер, который она сделала в подарок, Сайто. Это выглядело скорее подобно авангардистской художественной части. Даже при том, что независимо от того, как трудно ей было надеть его, она не смогла просунуть голову через воротник, но она чувствовала себя более комфортно, нося его.

Рядом с Луизой был ноутбук Сайто, его единственная личная вещь. Поскольку не было никакого электропитания, экран был абсолютно чист.

Луиза уставилась на черный экран компьютера. Она помнила, как в первый день, когда Сайто появился, он показал экран ей.

Это было красиво.

При мысли об этом, задняя часть ее век снова стала горячей.

Сайто… показал мне какой-то пейзаж. Хотя я не понимала, это было красиво, и таинственный пейзаж заставил меня чувствовать себя несколько взволнованной.

Один за другим, различные мысли, сцены, действия… были восстановлены в ее сердце.

Луиза смотрела вниз на кулон на шее. Сдержанные слезы начали катиться по ее щекам.

Сайто… он всегда защищал меня. Как этот кулон, висящий на моей шее, он был всегда рядом, он был моим щитом.

Когда я была почти сокрушена големом Фуке.

Когда я была почти убита Вардом.

Когда я столкнулась с огромным линкором.

Когда Генриетта, которая была обманута врагом и забыла себя, произнесла заклинание Торнадо Воды.

И… когда мне приказали сдерживать врага, пока я не умру…

Сайто, с не вложенным в ножны мечом, стоял передо мной.

Легендарный Гандальв, согласно своему имени, стал моим щитом.

Но относилась ли я к Сайто по-доброму?

Нет, я всегда была упрямой, эгоистичной, тяжело быть "милой" идиоткой.

"Идиотка".

Слезы горели.

"Я заботилась только о себе. Такая неблагодарная, эгоистичная, не симпатичная я должна была быть оставлена и проигнорирована".

Луиза не пыталась вытереть падающие слезы, и спокойно шептала себе.

"Даже при том, что ты сказал, что смерть ради чести не имеет смысла... ты не вернулся домой со мной".

Ее слова обвинения против Сайто теперь возвращались назад к ней. Ее собственные слова стали копьем, которое делало рану в сердце Луизы глубже.

"Хотя ты сказал, что любишь меня... ты оставил меня в полном одиночестве".

Луиза бормотала, уставившись на черный экран.

"Без тебя я не могу даже заснуть".

Обнимая свои колени, Луиза продолжала рыдать.

В столице Тристейна, в рабочей комнате Королевского Дворца, Генриетта сидела на стуле с обескураженным видом на лице.

Часть армии восстала в Альбионе; смерть генерала Де Пуатье и Маркиза Ханденбурга, командующего армии Германии; полное бегство армии... и запрос вывода войск.

Когда сообщение пришло от Руководителя Общего штаба Уимпфена, все в королевском дворце, включая Генриетту и Мазарини, были смущены. Это было поддельным отчетом врага? Они сомневались. Уйти или продолжить бороться? Именно кардинал Мазарини собрал конференцию.

"Здесь королевский дворец, а не поле битвы".

Его слова заставили замолчать министров, которые не хотели уходить.

Однако... вывод войск не главное, в конце концов.

Флот Галлии, который внезапно появился и вынудил армию Альбиона сдаться. После этого, не так давно, Галлия прислала посла по особым поручениям в Тристейн, который сообщал им, чтобы они посетили конференцию, чтобы решить будущее Альбиона...

Хотя Королевский Дворец Тристена был доволен отношением Галлии, не было никаких мирных договоров с Галлией.

Сегодня был день, когда заканчивались две недели, с момента приглашения Генриетты посетить конференцию, которая была намечена в Розайше.

Генриетта взяла в руки письмо, которое послал посол Галлии.

"Тревожащий поворот Халкегинии к Республиканизму был остановлен; Королевское правительство Галлии чувствует, что все страны Халкегинии должны создать более близкие отношения друг с другом с этого момента..."

И преамбула продолжалась.

Однако, хотя она видела эти слова, они потеряли свое значение в ее голове.

Сердце Генриетты чувствовало себя подобно пещере. Глубокая, холодная, темная дыра, в которую можно упасть. Даже если ты изучаешь её, ты все еще не видишь конца - полная пустота.

Кромвель, которого она ненавидела так долго, умер. Благородная фракция Альбиона была уничтожена. Но почему не было никакого удовлетворения?

"Почему?"

"Фракции дворян, которая убила принца Уэльского, больше нет. Мужчины, которые обманули меня, мертвы... И?"

Что-нибудь изменилось?

Ничего не изменилось вообще.

Генриетта спрятала лицо в ладонях. Она ничего не могла сделать с переполнившими её чувствами, которые заполнили её, как наводнение.

Хотя кто-то стучал в дверь... Генриетта не смогла ответить. Дверь открылась, и когда кардинал Мазарини вошел, Генриетта оставалась сидеть за столом спрятав лицо.

"Вы устали?" - пробормотал Мазарини.

Как будто видя его впервые, Генриетта медленно посмотрела и кивнула.

"Да. Но теперь все в порядке".

"Разве Вы не должны быть счастливы? Прежде всего, война закончилась. Даже при том, что целая армия побеждена, даже при том, что мы победили только благодаря неожиданной помощи - победа - все еще победа. Независимо от того, как много раз мы поблагодарим Галлию, этого все еще не будет достаточно".

"Это так" - сказала Генриетта, смотря в пустоту.

Мазарини, взволнованный по поводу Генриетты, продолжал говорить.

"Однако, мы не можем быть небрежными, Ваше Величество. Мы все еще должны быть готовы к войне, несмотря на внезапное вмешательство Галлии. Их побуждения все еще неясны".

"Это так?" - Хенриетта ответила безжизненно.

Мазарини поместил стопку бумаг рядом с локтями Генриетты.

"...Документы?"

"Да. Во что бы то ни стало, это - документы, на которые должна взглянуть Ее Величество".

"Это может подождать? Прямо сейчас..."

"Нет, сейчас. Вы не можете позволить себе не просмотреть их".

"Я оставляю на ваше усмотрение. Кардинал, вы знаете лучше. Я не хочу волноваться..."

"Просмотрите их".

Генриетта покачала головой.

"Я сожалею. Честно, я устала".

"Просмотрите их!"

Мазарини повторил свои слова более сильным тоном. Не привыкшая к такой настойчивости от этого худого человека средних лет, Генриетта взяла один в руки.

Сверху вниз были записаны имена.

Что означают эти имена?

"...Это? - сказал Мазарини каменным голосом. - Это - список имен тех, кто умер в битвах во время войны".

Генриетта примолкла.

"Дворяне, простолюдины, чиновники, солдаты... Независимо от званий, все имена перечислены".

"О..." - сказала Генриетта, закрыв лицо.

"Ваше Величество, вы знаете, почему они умерли?"

Генриетта покачала головой.

"...Я не знаю".

"Вы не знаете? Нет, вы должны знать. Они умерли во имя Вашего Величества и Родины".

Генриетта низко склонила голову.

Мазарини говорил ледяным тоном.

"Для некоторых из наших министров это было только "военной дипломатией",а чиновники и солдаты только числами, потерями и выгодами. Это, возможно, не ошибка в целом, но у этих чисел были семьи, жизни и любимые. Но они все верили во что-то".

Мазарини тыкал пальцем в бумагу.

"Король - тот, кто решает начать войну. Вы можете послать чиновников и людей на смерть, но вы не можете забыть их. Этот список имен вы должны запомнить. Этот список имен вы должны защитить".

Генриетта начала плакать.

Крича как ребенок, она спрятала лицо в ногах Мазарини.

"Сколько времен я буду гореть в огне ада? Скажите мне. Греховная раскаивающаяся королева в Ваших ногах, представителя Бога, кардинала. О, я честна. Во время этой войны мое сердце вела только месть. Я была одержима этим и не заботилась о том должна ли продать мою душу дьяволу, чтобы получить месть. Однако, даже если Вы продаете свою душу... после нет ничего. Нет даже сожаления. Только пустота. Глубокая, бесконечная пустота".

"..."

"Я... которая не замечала, насколько глупой я была. Я потеряла свою любовь, и принесла смерть магам, даже применила ужасное заклинание против друга. Я ничего не замечала. Даже начиная сомнительную войну, я не замечала. Хотя я использовала дорогих друзей в качестве средств для моей мести, я не замечала. И только когда месть закончилась... я заметила. Я заметила, что ничто не изменилось вообще".

Генриетта бормотала, прося о прощении.

"Пожалуйста, скажите мне. Что... я должна сделать? Если бы вы перерезали мне горло, мое преступление исчезло бы?"

Мазарини отодвинул Генриетту. Она походила на напуганного ребенка.

"Я не тот, кто судит, Ваше Величество. Вы не та, что судит также, Ваше Величество. Это - только Бог, от имени Основателя, имеет такую величественную прерогативу. Бремя может быть трудным, может быть тяжелым, но не пытайтесь отбросить его. Независимо от того, сколько времени продлятся бессонные ночи, не забывайте это. Поскольку они умерли ради Вашего Величества и Родины. Это может быть только королевской привилегией, но они умерли за эту привилегию. Смерть и преступления никогда не будут исчезать. Печаль не будет заживать. Это будет спокойно сидеть позади, и наблюдать за Вашим Величеством".

В сердце Генриетты проникал каменный холод, отрицая любое вмешательство, когда она читала список имен... и бормотала.

"Я никогда не была... правителем".

"Нет никаких непогрешимых королей".

Тогда Мазарини глубоко поклонился и покинул комнату.

Перенёсшая тяжелое потрясение, Генриетта была тиха некоторое время. Она была неподвижна.

Посыльные ночи, две луны начали сиять и осветили комнату... с большим усилием, Генриетта посмотрела на небо.

Через окно Генриетты... смотрели две лунных сестры.

Слезы высохли на ее щеках.

"Хорошо... ничто не изменилось. Я никогда не буду плакать".

После этого Генриетта отложила страницу и попросила позвать министра финансов. Как только министр финансов пришел, Генриетта вежливо сообщила.

"Эта спальня... нет, всё во дворце королевской семьи, продается за деньги".

"...Ха?"

"Все. Хорошо? Оставьте только небольшое количество одежды. Вся мебель, кровать, стол и туалетный столик также..."

Озадаченный, Министр финансов сказал:

"Кровать? Н-но, где Ваше Величество будет спать?"

"Принесите груду сена. Этого хватит".

Министр финансов потерял дар речи. Королева, спящая на полу, это было неслыханно.

"Пожалуйста, отдайте деньги, которые Вы получите от продажи вещей семьям жертв войны. Дворяне, простолюдины - это не имеет значения. Распределите всй одинаково".

"Н-но..."

"Казначейство находится в затруднении? Я знаю".

Генриетта сняла все свои драгоценности.

Глаза Министра финансов были широко открыты в шоке, поскольку ему вручили драгоценности, одну за другой. Когда очередь дошла до ее безымянного пальца Генриетта заметила Рубин Ветра, подарка на память от принца Уэльского. Она закрыла глаза на мгновение, а затем сняла и вручила его министру финансов.

"Продайте это тоже".

"Вы уверены?"

"Да. Это тоже..."

Она указала на портрет Основателя, которому она молилась во время войны. В течение сотен, тысяч лет, этот портрет следил за королевскими семьями.

"Но, однако..."

"Теперь, то, в чем нуждается родина, является не молитвами Богу, но золотом. Вы не согласны?"

Министр финансов яростно покачал головой.

Но прежде, чем человек уехал, Генриетта позвала его.

"Я сожалею. Пожалуйста, вернитесь на мгновение".

"Слава Богу! Вы передумали!"

Генриетта взяла что-то с казначейского подноса Министра финансов.

Это была корона. В своей поспешности ни один из них не заметил этого.

"Без этого никто никогда не сделал бы кого-то столь же глупого, как я, правителем".

После того, как Министр финансов уехал, благодарный, что он не был необходим больше, Генриетта начала просматривать список имен.

Конечно, она не могла запомнить их всех.

Но она хотела выгравировать их твердо в своем уме. Их жизни и идеалы скрылись позади этих имен. Она думала о прощении, но остановилась.

К тому времени, когда она закончила читать список, наступил рассвет.

Генриетта взяла последнюю часть списка в руку.

У неё перехватило дыхание, как только она увидела имя в самом конце.

Необычно звучащее имя, которое она слышала прежде, было написано там.

http://tl.rulate.ru/book/57811/1993294